

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

DESIGN LIVING SPACE PERSONALITY: PSYCHOLOGICAL DISCOURSE

N. Falco

Annotation

The article discusses the psychological characteristics of the design of living space personality. An analysis of the components of living space with positions epistemological, ontological and axiological paradigm.

Keywords: design, space, educational space, vital space.

Фалько Наталья Николаевна

К.псих.н., доцент

*каф. практической психологии,
Мелитопольский государственный
педагогический университет
им. Богдана Хмельницкого,
г. Мелитополь, Украина*

Аннотация

В статье рассматриваются психологические особенности проектирования жизненного пространства личности. Приводится анализ компонентов жизненного пространства с позиций гносеологической, онтологической и аксиологической парадигм.

Ключевые слова:

Проектирование, пространство, образовательное пространство, жизненное пространство.

В психологическом измерении пространственный подход предполагает воздействие самого пространства на психологические структуры человека. Последнее вызывает восприятие, ответную реакцию и деятельность. Таким образом, жизненное пространство формируется не само по себе. В его создании большое значение имеет специально организованная человеческая деятельность, благодаря которой формируется пространство процессов и понятий с их практической реализацией и осмыслением. Жизненное пространство превращается в место осмысления и осознания разнообразия культурных дискурсов, понимания и осмысления личностных и культурных ценностей, решения проблем и конфликтов в процессе человеческого взаимодействия путем диалога и сотрудничества, построения жизненной перспективы и т.д.

Следовательно, деятельность человека является не только основой пространства, она сама задает собственно пространственное бытие. В пространственной форме жизнедеятельности воплощаются определенные виды деятельности человека. Динамика такого процесса выступает качественной характеристикой жизненных циклов человека, их наполненности и интервалов. При этом можно выделить следующие компоненты жизненного пространства личности: онтологический, гносеологический и аксиологический.

В обществе всегда есть носители знаний и верований, образующих онтологический (постижения бытия умом

или интуицией) компонент. Онтологический компонент жизненного пространства – это включение человека как субъекта социальной деятельности в сферу общественных отношений, поэтому она касается познания бытия общества, выявления закономерностей и тенденций его функционирования и развития. Он является определяющим источником познавательной, культурной информации. Жизненное пространство наделено такой уникальной способностью, благодаря которой в процессе его исследования оно само начинает продуцировать знания о себе, конкурировать со знаниями о себе и востребованно практикой общественных изменений. Так, Г. Бурдьё считает, что именно в пространственной организации общества объективируется политика, а пространство, поле является не чем иным, как воплощенными в нем социальными структурами, и в целом теория полей и капиталов воспроизводит онтологическую картину общества [1, с. 228].

Следует отметить, что онтологический статус жизненного пространства определяется промежуточным местом его сред, которые могут рассматриваться как самостоятельные сущности. Но их рассмотрение зависит от определенных условий, они не мыслимы в полной мере сами по себе. Пространственный подход к образованию включает размышления не только о наполнении образования предметами, но и об отношениях между ними.

Если обосновывать онтологию жизненного пространства с позиций практики, понимая ее в том смысле, что

человеческая жизнедеятельность есть и общественной, и предметной, то пространство жизнедеятельности человека возникает включенным в такую человеческую сущность, на основе которой человек формирует свое отношение к миру, то есть осознает его. Таким образом, пространство превращается в жизненный мир человека. Онтологическое понимание субъектами пространственно-временных условий своей жизни побуждает относиться к любому элементу реальности как к имеющему самостоятельную ценность, требует специальных усилий для понимания, осмысления, построения взаимодействий, отвечающих сути его уникальности. Согласно этим любая точка жизненного пространства и времени может стать источником новых возможностей и развития, поэтому следующей содержательной составляющей мы считаем гносеологическую.

Пространство есть априорным (независимым от опыта) в гносеологическом смысле, поскольку входит в наше познание внешнего мира как предпосылка или логическое восприятие [2].

Гносеологический компонент связан с особенностями собственно жизненного пространства: имеет ли он собственные законы и категории и способен ли он порождать их сам вообще. Гносеологическая составляющая связана с особенностями жизненного пространства и в значительной степени детерминирована этим пространством, а его измерения (координаты) определяют уровень его научности и объективности. Гносеологический подход в этом смысле совпадает с психологическим, поскольку жизненное пространство имеет достаточно сложную внутреннюю структуру. В указанном контексте важны новые и старые концепции человекознания.

Так, украинский исследователь В. Табачковский пишет: "На рубеже веков и тысячелетий на новом этапе национального возрождения Украины мы являемся свидетелями и участниками радикального переосмысления устоявшихся взглядов на человека, культуру, социум, особенно – на способы их взаимосвязи. Пересматривается, в частности, антропологическая парадигма, которую я назвал бы "антропологией проповедников" – рефлексией скорее желаемого, чем реального образа человека. Пересматривается антропология нормативизма и ригоризма и соответствующая ей нормативистско-репрессивная педагогика (наследие тоталитарной эпохи), а также утопически-нормативистское видение социума. Зато утверждается тенденция, которую можно назвать антропологией, педагогикой и социологией которые связывая с безоговорочным углублением и расширением горизонтов человековедения" [4, с. 135].

Последнее время вполне закономерным можно счи-

тать повышенный интерес к теории субъективности как средства воспитания человеческой самости, в частности, в индивидуальной субъективности, поскольку в быстро меняющемся социальном и окружающем мире эта проблема, по мнению П. Козловски, является главной темой современной культуры:

"... Представление об этом задании простирается от неограниченной и беззаботной "стратегии воплощения субъективности "Я" до серьезных поисков согласия и "дружбы с самим собой" [3].

В. Табачковский, продолжая мысль ученого, отмечает, что предложенный в русле указанных подходов взгляд на человеческое существование как непрерывную "заботу о себе", связано с существенным уточнением содержания самообладания человека: оно предстает не как насилие, а как согласие с собой и предлагает пересмотреть позиции, сложившиеся на сегодня как антропологемы, определенные нам в объеме 24, но мы в пределах его рассуждений и современной антропологической рефлексии пробуем сгруппировать их и представить как человекомерные максимы. Именно в культурно-образовательном пространстве находятся факторы, которые, по мнению человека, делают его существом страдающим.

Следует согласиться с В. Табачковским, что "... именно на учет такого своеобразия нацеливают все рассмотренные нами проявления антропологической и педагогической толерантности. Чем полнее усвоим мы эти проявления мирового интеллектуального наследия, тщательно и беспристрастно сопоставляя их с лучшими образцами наследия отечественного (в том числе последних восьми десятилетий), тем содержательнее станет наше реальное вхождение в круг европейских гражданских обществ [4, с. 147]. Отметим, что поиски себя действительно многое открывают человеку в мире, но, по нашему мнению, такая "влюбленность" делает его опять-таки "превыше всего". Поэтому, возвращаясь к мысли П. Козловского, который считает, что тема человеческой субъективности является главной в постмодернистской культуре, стоит, пожалуй, человека вернуть к культурности, что, как считает Мераб Мамардашвили, есть на каждом шагу жизненного пути современного человека (хаос и бескультурье не позади, не впереди, не со стороны – ими окутана каждая точка существования внутри самой культуры). Ведь культурное существование не является самодостаточным, не является самоналаженным, оно нуждается живых человеческих усилиях, неусыпного сохранения" [4, с. 143].

Возвращаясь к антропологической рефлексии человека культурного, следует устранить все имеющиеся технократические проблемы, но совсем не для того, чтобы еще больше "индивидуализировать" и "персонифицировать" до эгоцентризма самовлюбленность человека:

"культивируя взгляд на мир чрезвычайно актуализируется вопрос о взаимосвязи "различий", гармонизация которых является важнейшим компонентом жизнедеятельности современного гражданского общества. В связи с этим постмодернизм бьет тревогу по катастрофическому уменьшению удельного веса "различий" в жизнедеятельности современного человека. Многие факторы, и прежде всего индустрия коммуникаций, работающих сегодня на то, чтобы нейтрализовать отличия, уничтожить другое... Ситуация крайне осложняется компьютеризацией, которая прогрессирует – так взаимодействие человека с компьютером происходит по схеме изоморфности, а не по схеме "Я – другой". Следствием унификации "ценностей" становится такой признак современного антропологического кризиса, как потеря мировоззренческой "гравитации", своего рода общемировоззренческая маргинализация человека"[4, с. 143].

Таким образом, анализ современного человекознания и антропологии, в частности их редукция, являются крайне необходимыми, если речь идет о культурности человека, что на уровне мировоззренческо-ценностных позиций, согласованных с результатами научного междисциплинарного синтеза, будет способно просмотреть и конструктивно построить свои отношения с природой (как естественное, биологическое существо), с другими людьми (как существо социальное) и на основе творчества и методологии саморазвития организует полноценную духовную жизнь (согласие со всем миром и собой), а потом проверит свою деятельность на человечность.

Посредством культурных кодов (программ, идей, концепций, принципов и т.д.), так же проникнутых человечностью, у человека есть шанс использовать свой потенциал природосоответственно и культуроцелесообразно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В.В. Абраменкова. – М.: Воронеж, 2000. – 414 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1980. – 335 с.
3. Козловський П. Постмодерна культура // Сучасна зарубіжна філософія: Течії і напрями (Хрестоматія). – К.: 1996. – С. 245–294.
4. Табачковський В. Проблеми педагогіки у світлі сучасної філософської антропології / В. Табачковський // Філософія освіти: Науковий часопис. – К.: Майстер – клас, 2005. – №1. – С. 135–148.

© Н.Н. Фалько, (ntiyafalko@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

